



Concerning Minor Roman Gods: *Molae Martis*

E. S. Danilov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-170-177

Research article
Full text in Russian

The article discusses the need for differentiation of Major and Minor Gods in the Roman pantheon. The focus is on the entourage of the Roman god Mars, which is traditionally considered among the minor deities. The author proposes several hypotheses regarding the so-called *Molae*: about the originally peaceful, protective nature of their functions; about their connection with agricultural cult and early incorporation into the cult of Mars.

Keywords: antiquity; religion; pantheon; Mars; *Molae*

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Danilov, Evgeniy S. | E-mail: explorator@list.ru
Cand. Sc. (History), Professor

Funding: Yaroslavl State University ("Priority 2030" programme at Yaroslavl State University, project GL-2023-2).



К вопросу о роли «малых богов» в древнеримском пантеоне: *Molae Martis*

Е. С. Данилов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-170-177
УДК 94(37)+292

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье поднимается вопрос о целесообразности выделения в античном пантеоне больших и малых богов. Обращается внимание на окружение римского бога Марса, которое традиционно причисляется к малым сверхъестественным сущностям. Относительно так называемых *Molae* делается ряд предположений: о первоначально мирном, защитном, характере их функций; об их связи с сельскохозяйственной деятельностью и о раннем подчинении Марсу.

Ключевые слова: античность; религия; пантеон; Марс; Мола

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Данилов, Евгений Сергеевич | E-mail: explorator@list.ru
Кандидат исторических наук, доцент кафедры
всеобщей истории

Финансирование: ЯрГУ (Программа «Приоритет 2030» ЯрГУ, проект GL-2023-2 «Европа и Русь: политические структуры, социальное развитие, культурное разнообразие в Древности и Средневековье»).

В рассуждениях ряда авторов о религиозных установлениях классической древности делается попытка выстроить чёткую иерархию богов, поделить их на так называемых великих и малых. Такие взгляды были присущи Г. Буасье [1, р. 285]. Характерны они и для некоторых современных исследователей, например Дж. Шайда, который видит в совокупности больших и малых богов нормальное функционирование политеизма [2, р. 154]. Как нам следует воспринимать такое деление, что за ним скрывается? Различия в авторитете, возрасте, росте, силе, влиянии? Отражение социальной иерархии людей? На эти вопросы не существует однозначного ответа. Вероятно, было бы точнее говорить о больших и малых культах или культовых практиках [3, с. 44], не пытаясь сравнивать сакральную мощь богов.

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

В 1977 г. в издательстве «Наука» вышла в свет монография Е. С. Голубцовой под названием «Идеология и культура сельского населения Малой Азии I–III вв.». Она обратила внимание на категорию божеств, о которых ничего неизвестно, кроме названия общин, чьими покровителями они являлись [4, с. 20 и далее]. Их имена в текстах votivных стел, как правило, занимают последние позиции после имен Зевса, Геры, Афины и тому подобных. По данному, чисто формальному, признаку они могут быть причислены к «малым богам», хотя автор книги это выражение не использовала. Лишь в отношении нимф она писала о божествах меньшего «масштаба» [4, с. 41] и отмечала, что сельское население Анатолии, не отказываясь от своих исконных божеств, присоединяло к ним и богов античных [4, с. 29].

В посвяtitельных надписях античные боги занимали первые места: их культ имел общегосударственный характер. Замыкали священный список теонимов имена хранителей и покровителей локальных общин. Один из основных критериев приобщения богов к главным или малым (младшим) – это территориальный признак. Принцип территориальности стал основным в последней книге Е. С. Голубцовой «Община, племя, народность в античную эпоху» [5]. Насколько он применим к религии квиритов?

В отношении древнеримской религии приведём высказывание этнографа С. А. Токарева. «Многочисленные *dii minores* римского пантеона никогда не были покровителями каких-либо общин. В большинстве своём они являются не чем иным, как олицетворением различных сторон человеческой деятельности, которым они покровительствовали» [6, с. 428]. Позволим себе осторожное допущение, что в глазах верующего человека, в том числе римского гражданина, все боги равны, но делают они разномасштабные дела, имеют отдельные зоны ответственности, которые иногда пересекаются. Представление о богах трансформируется, когда они меняют свою изначальную локализацию, перемещаются в пространстве, оказываются вне привычной зоны поклонения.

В «Аттических ночах» Авла Геллия присутствует несколько пассажей, посвящённых Марсу, одному из древнейших богов Италии: о священных копьях, жертвоприношениях (IV.6, XVI.6.7), его имени (V.12.5), супруге (XIII.23.11–19). Привлекает внимание отрывок с упоминанием «*Moles Martis*» (XIII.23.2). Римский антиквар процитировал фрагмент молитвы из жреческих книг («Индигитаменть»), содержащей воззвание к малоизвестным спутникам таких глубоководных божеств, как Сатурн, Нептун, Квирин, Вулкан, Юнона и Марс. Более восьми существей входят в свиту шести богов в качестве жён (*Salacia Neptuni*, *Hora Quirini*, *Maia Volcani*, *Neries Martis*) либо аллегорий с туманными функциями (*Lua Saturni*, *Virites Quirini*, *Heries Iunonis*, *Molae Martis*). Попытаемся приоткрыть завесу тайны над последними из перечисленных прозопопей, или, по крайней мере, сузить круг вопросов относительно них.

Т. Моммзен, Г. Виссова, Г. Экстелл трактовали *Molae* как прислужниц или олицетворения Марса [7, р. 637; 8, р. 135; 9, р. 54]. К. Латте [10, р. 55] за-

метил, что интересующий нас теоним является заимствованием греческого выражения μάλος Ἄρης (ср. Ном. II. II. 401). Против такого калькирования выступал Ж. Дюмезиль [11, р. 217, п. 2]. По Дж. Рольфу следует, что Мола – это тяжелый труд войны или ратное дело, т. е. некая черта, природа Марса, его детище, дочь [12, р. 525]. И. Л. Маяк отзывалась о Молах как о субстанциях, близких к нуменам (numen – божественная природа, сила, воля), и, учитывая значения самого слова «moles», склонялась к мысли о «побудительной силе Марса к войне» [13, с. 266]. А. Г. Грушевой считает Moles «персонификацией армии, уничтожающей всё на своём пути» [14, с. 119, сн. 177]. Это мнение близко к точке зрения В. И. Базанова [15, Р. 12]. Ф. Маркаттили [16, р. 8] вслед за М. Торелли [17, р. 99, п. 95] относит Moles Martis к практике перевозки и укладки оружия или военной добычи (spolia hostium) во время триумфального шествия.

Не исключено, что под «moles» стоит понимать бедствие, опасности войны, которые следовало ритуально отвратить. В пору, когда Марс не отождествлялся с Аресом и считался покровителем полей и стад, нужно было молить об их невредимости (molaе – жернова, мельницы / mola – мука). Но как давно связаны Moles с Марсом? Сомнение по поводу семейных отношений указанных божеств высказывал Фриц Миленц [18]. Допустим, что Молы не сразу оказались в тени отца Ромула и даже имели свою долгую историю. Возможно, другие зависимые от Марса боги тоже изначально обладали автономией.

Что мы знаем об окружении Марса? В том же отрывке Авла Геллия фигурирует Нериена или Нерио, жена бога. Писатель отметил, что это имя является сабинским и обозначает «доблесть» или «смелость». Nerio, продолжает Геллий, проявляется как сила, могущество, величие Марса (XIII. 23. 7-10). В своих размышлениях об этой богине автор опирался на авторитет Варрона, Плавта (Truc. 514), Гнея Геллия, Лициния Имбрекса (Fr. 15 Peter), Квинта Энния (Ann. 99 Skutsch) и Сервия Клавдия. А. И. Немировский рассматривал Nerio, приданную Марсу и отождествленную с Афродитой, как богиню из разряда Virites-Nerienes [19, с. 42]. Е. М. Штаерман писала о Луе, Майе и Нерио как о самостоятельных божествах с неясной природой. Она предположила, что эти богини не играли особой роли в народной религии, хотя и составляли пары с более известными богами. Брак Нерио с Марсом виделся ей свидетельством того, что римлянам не были чужды представления о супружеских связях божеств и что они не всегда заимствовали их из греческой мифологии. Если бы тот же Плавт основывался на ней, он бы сделал Венеру женой или, скорее, любовницей Марса, как то было принято у более поздних авторов, полностью отождествлявших греческих богов с римскими. Нерио же в греческой мифологии аналога не имеет, а Арес не имел законной жены. Можно полагать, заключает Елена Михайловна, что представления о браках богов имелись в народе издавна, понтифики же только оформили связи разных богов по каким-то своим особым законам, малопонятным широкой публике [20, с. 105].

Другая спутница Марса – богиня Беллона. Храм в ее честь был возведен Аппием Клавдием Цеком ок. 290 г. до н. э. (Liv. X. 19. 17, 21; Ovid. Fast. VI. 199–208). Если Нериена могла считаться олицетворением качеств, необходимых для начала сражения, то Беллона, как кажется, была своеобразной квинтэссенцией битвы, воплощением войны (*bellum*). Её представляли кровавой (Ovid. Meth. V. 155–156), грознолицой (Petr. Sat. 124), свирепой (Lucan. Phars. I. 566), вооруженной бичом (Verg. Aen. VIII. 703). Публий Деций Мус, консул 340 г. до н. э., во время битвы с латинами у Капуи обрек врагов и себя в жертву богам, произнеся имена Януса, Юпитера, Марса, Квирина и Беллоны (Liv. VIII. 9. 6).

Богиня появляется на монетах. Так, в землях бруттиев она фигурирует на чеканке III в. до н. э. с копьем, щитом и, что характерно, плугом (SNG Cop. 1655). В данном случае с ней на аверсе соседствует Геракл. В другом варианте вместо Геракла появляется Арес в коринфском шлеме, на месте же плуга – лира (SNG Cop. 1645). Данные атрибуты не поддаются однозначной интерпретации, но плуг явно указывает на связь с земледельческим трудом и может являться признаком близости к культу плодородия. Возможно, плуг является лишь символом римской колонизации, которой подверглась южная Италия после Второй Пунической войны. В греческой мифологии Беллона отождествляется с Энио (Hom. Il. V. 333, 592). Любопытно, что в Команах Понтийских, согласно Страбону, жречество святилища Энио по своему достоинству превосходило служителей культа Зевса Дакийского (Strabo XII. 2. 3, 6). Здесь речь идёт не о том, что Энио почиталась выше Зевса, хотя и это не исключено, а о неравнозначности культов, ведь религиозное служение в этих двух поселениях имело разное материальное обеспечение. Верховный жрец Энио или Ма, как её называли в указанной местности [21, с. 231–245], происходил из царского рода, имел доходы с большого участка земли и более 6 тысяч храмовых рабов в подчинении.

Дискордия, повторяющая черты греческой Эриды, символизирует распрю или раздор (I Mith. Vat. III. 5. 1). Она в большей степени является поэтическим персонажем (Flac. Argon. II. 204; Verg. Aen. VIII. 702). Павор и Паллор отождествлялись с близнецами Деймосом и Фобосом, персонифицирующими ужас и страх. Святилища в их честь были учреждены ещё Туллом Гостилием во время войны с Вейями и Фиденями (Liv. I. 27. 7). По одной из версий указанные сущности присутствует на аверсе серебряных денариев Луция Гостилия Сасерны (48 г. до н. э.) в виде бородатого мужчины (RRC. 448/2) и женщины с длинными растрепанными волосами (RRC. 448/3) соответственно. Как двух отроков с мечами описывал Страх и Ужас Апулей, сделав их оруженосцами бранолюбивой Минервы (Apul. Met. X. 31). В период торжества христианства подобные божества воспринимались как пустые аллегории или бестелесные силы, противостоящие добродетелям (Prud. Psych. I. 464; Claud. VI Cons. 322, Nupt. 81). Арнобий Старший писал с пренебрежением следующее: «Вы считаете умными... тех, кто чтут... Паворов и Беллон, а мы, предавшие себя Богу, <...> признаемся глупыми». И в дру-

гом месте: «Мы не будем в настоящем месте говорить о <...> Беллонах, Дискордиях <...> и безмолвно обойдём молчанием прочие недоброжелательные божества» (Arn. Adv. nat. I. 28, III. 26).

Отметим также отпрыска Ареса, которому не нашлось аналога среди спутников Марса. Это Эниалий, некогда самостоятельное божество микенской эпохи (Hom. II. XIII. 519, XXII. 132), чей статус был понижен до эпитета, означающего «Воинственный» (Joseph. A.J. I. 119; Paus. V. 18. 5). Тем не менее сабиняне и латины, как кажется, отождествляли его с Квирином (Dionys. Hall. Ant. Rom. II. 48. 2; Plut. Rom. 29). Энио, Эниалий, Арес, Афина Воительница и другие боги выступают как свидетели в клятве афинских эфебов (Lucurg. Leocrat. 77). Четвертый договор с Карфагеном римляне утвердили клятвой во имя Марса и Эниалия (Polyb. III. 25. 7).

Наконец, Летус, или Морс, как олицетворение смерти нередко оказывается в компании Марса. У Стация в «Фиваиде» она с ликом кровавым при оружьи сидит, завершая перечень сонма неистовств: Порыв, Ужас, Гнев, Страх, Засады, Раздор, Угрозы, Доблесть, Исступленье (Stat. Theb. VII. 47-53). Кроме того, есть ещё Стенания, Ярость и Бегство (X. 556-559). Наконец, связаны с Марсом Пик, бог полей и лесов (Arn. Adv. nat. V. 1, 2), и Робиго, предотвращавшая болезни злаковых растений (Tert. De spect. 5).

Конечно, пользовались популярностью и ритуальной поддержкой те спутники Марса, которые могли вдохновить на подвиги и не отвращали своей условно деструктивной энергией (Arn. Adv. nat. IV. 1). Таковыми были Виртус и Хонос. Храм Чести появился вблизи холма Целий в 233 г. до н. э. после победы над лигурами (Cic. Nat. deor. II. 61). В 208 г. он был отреставрирован и дополнен святилищем Доблести (Liv. XXV. 40. 3, XXIX. 11. 13; Plut. Marc. 28). Отдельный храм Виртус был построен на Капитолии в 101 г. до н. э., когда подверглись разгрому кимвры и тевтоны. Оба бога могли изображаться как в виде юношей, так и женщин. В рамках их почитания устраивались игры (Inscr. It. XIII. 2, 42: ludi Honor et Virtus).

Кроме того, Фест упоминает Геру Мартею, которая почиталась в глубокой древности при получении наследства. Она была ещё одной сопровождающей Марса с неясными функциями (Ennius. Ann. 111 Warmington; Fest. 89 s.v. Herem Marteam). Л. Преллер считал её богиней любви, похожей на Венеру, проводя сопоставление с Heries Iunonis и Hersilia [22, S. 304]. Гера Юноны этимологически может быть связана с глаголом hortor (побуждать, склонять). Сабинянка Герсилия была женой Ромула, а позднее отождествлялась с Нора Квирина (Ovid. Meth. XIV. 829-851).

Как могло проявляться благочестие в отношении спутников Марса? Например, Арга и Опис, женщины, прибывшие из страны гипербореев на Делос вместе с Аполлоном и Артемидой, упоминались в гимне, им собирались священные дары, на их могилах рассыпался пепел от бёдер жертвенных животных. Однако они не достигли уровня божеств (Hdt. IV. 35). Стало быть, почитание окружения Марса могло быть меньшим, если не большим, т. е. сопровождаться сооружением храмов и даже формированием отдель-

ных жреческих коллегий. В отношении Мол это маловероятно. Они оставались под сенью aedes Martis и его слугителей, фламинов.

В Риме о Молах вспоминали в связи дедикацией храма Марса Ультора, которая состоялась во 2 г. до н. э. Нас не должен смущать откровенно милитаризированный посыл этой культовой постройки, заключающийся в напоминании о мести убийцам Гая Юлия Цезаря и гордости по поводу возвращения штандартов Марка Лициния Красса (RGDA. XXI. 1-2, XXII. 2, XXIX. 2; Suet. Aug. 29. 2; Dio Cass. LIV. 8. 3, LV. 10. 1-9). Храм в первую очередь подчеркивал благочестие заказчика, Октавиана Августа. Принцепс старался следовать традициям, возрождать старые религиозные церемонии, возвращать из забвения богов.

Если предположить, что все спутники Марса имели строго определенную функцию или, по крайней мере, разделялись по сфере деятельности, то Молы, скорее, относились к той группе, которая не нападает, а защищает. Они стали частью свиты Марса в архаический период, когда он ещё не слился с Аресом, и поэтому деятельность богинь Мол наверняка лежала в относительно мирном русле. Их суппликация приходилась на 12 мая (CIL. X. 8375, 16 = ILS. 108). Основные священнодействия в честь Марса справляли в марте и октябре, т. е. в конце и начале сезона военных действий. В мае чествовали Флору, Благоую Богиню, Диану [23, Р. 116–123, 261–262, 270]. Указанные богини так или иначе отвечали за плодородие, а во время Лемурий, которые по календарю пересекались со сроком Supplicatio Molibus Martis, следовало умиловить духов мертвых. В адрес Мол могла произноситься obsecratio, молитва о помиловании и отвращении бедствия.

Мирная деятельность не исключает военные функции. Например, фригийский бог Мен, так подробно описанный той же Е. С. Голубцовой, был не только сельскохозяйственным божеством, но и воителем, защитником общинников от различных опасностей. Это отображалось в его атрибутах [4, с. 33]. Подобный двойной подход мог быть характерен для одной отдельно взятой деревни (комы).

Подчинённое положение «малых богов» нередко ограничивалось определенным временным промежутком. Наверняка существовали полноценные divi, выросшие из эпиклез. Вполне возможно, что некоторые имена, прозвища, в том числе и загадочные Молы, связанные с классическим римским пантеоном, скрывают следы обратного процесса, сакральной деградации. Они, вероятно, должны напоминать о существовании архаичных божеств, потерявших когда-то свою самостоятельность и вошедших в орбиту влияния капитолийских небожителей. Дальнейший тщательный анализ указанных процессов может прояснить место и роль многих условно «второстепенных» нуменов, которым поклонялись обитатели Апеннинского полуострова.

Ссылки

1. Boissier G. La religion romaine, d'Auguste aux Antonins. Paris: Hachette, 1874. Т. 1. 451 p.

2. Scheid J. *La religion des Romains*. 4-e éd. Paris: Armand Colin, 2019. 224 p.
 3. Белоусов А. В. *Греческая и римская религия новозаветной эпохи: учебно-методическое пособие к курсу «Религиозное окружение раннего христианства»*. М.: Изд-во МГУ, 2019. 152 с.
 4. Голубцова Е. С. *Идеология и культура сельского населения Малой Азии I–III вв.* М.: Наука, 1977. 238 с.
 5. Голубцова Е. С. *Община, племя, народность в античную эпоху*. М.: Наука, 1998. 253 с.
 6. Токарев С. А. *Религия в истории народов мира*. 4-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1986. 576 с.
 7. Mommsen Th. *Das Augustische Festverzeichnis von Cumae* // *Hermes*. 1882. Bd. 17. H. 4. S. 631–643.
 8. Wissowa G. *Religion und Kultus der Römer*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1902. 534 S.
 9. Axtell H. L. *The deification of abstract ideas in Roman literature and inscriptions*. Chicago: The University of Chicago Press, 1907. 98 p.
 10. Latte K. *Römische Religionsgeschichte*. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1960. 444 S.
 11. Dumézil G. *La religion romaine archaïque, suivi d'un appendice sur la religion des Étrusques*. 2-e édition corrigée. Paris: Payot, 1974. 700 p.
 12. *The Attic Nights of Aulus Gellius / With an english transl. by J. C. Rolfe*. London: W. Heinemann; New York: G. P. Putnam's Sons, 1927. Vol. 2. 532 p.
 13. Маяк И. Л. *Римские боги в сочинении Авла Геллия* // *Вестник древней истории*. 1988. № 1. С. 263–272.
 14. Авл Геллий. *Аттические ночи*. Книги XI–XX / пер. А. Г. Грушевой, О. Ю. Бойцова, А. Я. Тыжов; под общ. ред. А. Я. Тыжова, А. П. Бехтер. СПб.: Гуманитарная академия, 2008. 448 с.
 15. Basanoff V. *Le conflit «Pater» et «Eques» chez Tite Live (esquisse d'une recherche)* // *École pratique des hautes études, Section des sciences religieuses. Annuaire 1947–1948*. 1946. P. 3–23.
 16. Marcattili F. *Moles Martis, il turpe sepulcrum di Tarpea e la Luna dell'Arx* // *Bullettino della Commissione Archeologica Comunale di Roma*. 2011. CXII. P. 7–30.
 17. Torelli M. *Lavinio e Roma: riti iniziatici e matrimonio tra archeologia e storia*. Roma: Quasar, 1984. 264 p.
 18. Mielentz F. *Moles* // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. Bd. XVI. Hb. 31 / W. Kroll, K. Witte (Hg.). Stuttgart: J. B. Metzler Verlag, 1933. Sp. 2.
 19. Немировский А. И. *Идеология и культура раннего Рима*. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1964. 209 с.
 20. Штаерман Е. М. *Социальные основы религии Древнего Рима*. М.: Наука, 1987. 320 с.
 21. Сапрыкин С. Ю. *Религия и культы Понта эллинистического и римского времени*. М.; Тула: Гриф и К, 2009. 426 с.
 22. Preller L. *Römische Mythologie*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung (K. Reimer), 1858. 820 S.
 23. Scullard H. H. *Festivals and ceremonies of the Roman Republic*. London: Thames and Hudson, 1981. 288 p.
-